

А. С. Меньшиков

**ТЕОРИЯ МОДЕРНОСТИ: КЛЮЧЕВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ «ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ»**

A. Menshikov

**THEORY OF MODERNITY: KEY METHODOLOGY
PROBLEMS OF THE 'SECOND MODERNITY'**

Рассматриваются этапы становления концептуального аппарата для осмысления модерности как определенной формации социального хронотопа в рамках дискуссий о методологии социальных наук, а также основные методологические трудности, стоящие перед теорией модерности (универсальность языка описания, универсальность схем классификации и универсальность точки отсчета исследователя).

The author aims at outlining the stages of development of the conceptual apparatus and methodology for the theory of modernity, the latter being understood as a novel form of articulating social time and social space. The author, then, highlights some of the challenges for theorizing modernity: universality of language and universality of categories, universality of theorist's perspective.

Ключевые слова: *модерность, социальное время, социальное пространство, методологический космополитанизм, универсальность.*

Keywords: *modernity, social time, social space, methodological cosmopolitanism, universality.*

Уже в своих первых работах один из ведущих теоретиков модерности П. Вагнер высказал гипотезу о со-возникновении модерности и социальных наук. Традиционные способы осмысления социального порядка утрачивали силу вследствие ряда революций (как концептуальных, так и фактических), которые принесли новый исторический опыт и потребовали новых способов рационализации этого опыта, иных средств для описания форм социальных про-

странства и времени, которые стали собственно «социальными» пространством и временем благодаря социальным наукам в период «Нового времени» — «модерности». Нас здесь интересуют условия возможности мыслить одновременность и общее (публичное) пространство, т. е. вопрос «как они стали возможны?».

Райнхарт Козеллек в своих работах показал, насколько длительным и драматичным был процесс осознания европейцами своего исторического опыта в категориях модерности. Р. Козеллек выявил процесс превращения просто «настоящего времени» в качественно понятую «современность», отличную от «устаревшего», «отжившего», т. е. выявил, как происходила проблематизация историчности. Этот набор признаков Козеллек приводит в статье «Восемнадцатый век и начало модерности» (Koselleck 2002) следующим образом.

Во-первых, ощущается ускорение времени, т. е. события, ближайшие к нам, кажутся более насыщенными динамизмом и изменчивостью, время получает «историческое качество».

Во-вторых, будущее приобретает открытость, в нем возможно не просто возобновление уже известного, но возникновение абсолютно нового, ранее не бывшего, и даже прежде немислимого. «Статичное» время повторения того же самого в Античности, сменившееся затем «дополняющим» временем хронологий в Средневековье, словами Козеллека, «темпорализуется» в идее постоянно движения вперед — прогресса, эволюции и тому подобных понятий.

В-третьих, все более сложными и проблематичными становятся периодизации. Современная триада «Античность, Средневековье и Новое время (модерность)» кристаллизуется и закрепляется как схема истории, по мнению Козеллека, довольно поздно, и почти сразу возникает необходимость выделения «Новейшего времени». Нечеткость как собственно границ этих периодов, так и их отличительных признаков, в особенности если мы ищем глобальные, а не только европейские обобщения, «делает всякое общее утверждение о структуре эпох невероятно сложным. Новое относительно каждой эпохи не может естественно утверждаться универсально. Природная хронология солнечных лет дает нам огромное богатство фактического материала, который можно интерпретировать как поворотные пункты или ключевые даты, в зависимости от перспективы. И даже если кто-либо обратится к долговременным структурным изменениям, в каждом регионе или стране останутся довольно существенные расхождения, которые невозможно свести к общему знаменателю» (Ibid: 160). История требует более мелкого дробления, и потому особую роль начинает играть деление на столетия, века, которые кажутся имеющими собственные индивидуальные черты.

В-четвертых, универсальная схема секулярной истории ставит проблему «одновременности неодновременного», т. е. сосуществования в фактически одном времени обществ, классифицированных теоретически по их признакам как общества иного исторического периода.

В-пятых, неизбежно на передний план выдвигается субъективная позиция того, кто осмысляет историю (проблема исторической перспективы), «история темпорализуется в том смысле, что благодаря ходу времени она изменяется

в каждый конкретный момент, и с нарастанием дистанции она также изменятся в прошлом, или, лучше сказать, история раскрывается в истине своего дня» (Ibid: 167).

В-шестых, переживание переходности своего положения в истории, т. е. предощущение инаковости будущего, становится главной характеристикой нового исторического опыта.

Козеллек заключает: «Подводя итоги, можно сказать, что понятие модерности не только функционирует как формальное понятие в ряду более ранних категорий периодизации. Оно содержит критерии, которые применимы и по отношению к историям более ранних эпох. Обретшие актуальность в XVIII в., эти критерии породили те вопросы, ответить на которые была призвана концепция «модерности», а именно: убыстрение и темпорализация жизненного мира; задача планирования открытого будущего при отсутствии однозначного предвидения путей истории; одновременность неодновременного, которая наделяет события нашего мира плюралистичностью; из нее же возникает перспективистское разнообразие, в рамках которого приобретает и оценивается историческое знание; далее, знание о том, что живешь в переходную эпоху, в которой становится все сложнее и сложнее примирять устоявшиеся традиции и необходимые инновации; и, наконец, чувство ускорения, которое набирают процессы экономических и политических изменений» (Ibid: 168).

Козеллек таким образом указал основные черты нового исторического опыта (ускорение, открытость, периодизации, «одновременность неодновременного», субъективная позиция, или, перспективизм, переходность), которые привели к замене предшествовавшей формы осмысления времени — эсхатологии, сначала расчетом (прогнозом), а затем философией истории, наследницей которой, добавляем мы, и станет историческая социология. Итак, Козеллек проясняет, каким образом понятие «модерности» становится центральной категорией философии истории как новой формы осмысления исторического опыта и нового способа интерпретации будущего в секулярном, «профанном» времени.

Исходя из совершенно иной позиции, работая на ином материале и с другими целями, Бенедикт Андерсон приходит к сходному выводу. Благодаря «печатному капитализму», т. е. появлению технологии книгопечатания в капиталистической экономической среде, сформировалось «абстрактное время». Именно в таком «пустом времени» складывается «одновременность сочитателей», пребывая в которой, оказывается возможным вообразить нацию, представить себя людям, которые никогда друг с другом не сталкивались и едва ли когда-либо встретятся, неким единым обществом.

На примере анализа классических теорий модерности (Гегель, Маркс, Вебер), в которых «социологизируется» концепт «модерности», можно видеть, как в социальных науках постепенно формируется категориальный аппарат, позволяющий методологически учесть «состояние модерности», а именно:

- 1) принять открытость будущего (для Гегеля цель истории достигнута, Дух осознал себя и тем самым будущее наступило; для Маркса исторические силы, достигшие максимального противоречия, неизбежно разразятся пря-

мым классовым конфликтом и тем самым будущее революционным действием вот-вот будет осуществлено; лишь для Вебера, видящего за историческими изменениями осмысленную деятельность конкретных индивидов, а потому подверженными влиянию разнообразно сочетающихся факторов, будущее оказывается принципиально открытым);

- 2) признать свободу (у Гегеля свобода вынесена в абсолютный дух; у Маркса свобода лишь возможность в коммунистическом обществе, приход которого, вынуждены мы признать с долей иронии, у Маркса детерминирован; лишь у Вебера свобода есть принципиальный фактор происходящих изменений, который необходимо учитывать, отсюда мультифакторность его «астрономического» анализа и такие категории, как «избирательное сродство», «конstellация» и роль «случайности»);
- 3) осмыслить феномен рациональности (возникновение новых форм универсальности: эмпирическая наука, машинные технологии, экономическая эффективность), к которой мы и обратимся.

Итак, новое переживание времени повлекло за собой поиск новых форм рациональности, способных этот опыт артикулировать и придать ему смысл. Историчность и универсальность теперь пришлось связывать иными способами. Одним из таких способов стало Просвещение, которое представило ход времени как прогресс разума, его противники («КонтрПросвещение») и наследники сам способ концептуализации времени не меняли, переоценивая лишь направленность (не прогресс, а, например, регресс, или «вечное возвращение») и субъекта (не разум, а материальное производство, и т. п.). Но, как упоминалось, лишь в социологии М. Вебера открытость будущего получает серьезное признание. Теперь оказывается невозможным претендовать на то, что социальные науки подобны естественным наукам, что они ищут социальные законы, которые идентичны законам природы. Следовательно, необходим язык описания, который бы позволял сохранить открытость будущего и свободу осмысливающих это открытое будущее индивидов в социологических моделях. Во второй четверти двадцатого века, после многочисленных (лингвистического, диалогического, антропологического и т. п.) «поворотов», выдвигается идея «взаимного языка» (Nastrup 1995). Этот язык опирается на антропологические методики общения с информантами, в которых описательное обобщение теперь строится не на предзаданных установках классифицирующего исследователя и не на раскрываемых с полным их воспроизведением установках исследуемых «местных», а на их взаимной критике и взаимообогащении, на выработке «метаклассификации», рожденной во встрече и диалоге.

Однако главным преимуществом классических социальных наук была именно возможность проводить широкие сравнительные исследования, выявлять общие закономерности и очерчивать общую эволюцию человеческого общества, т. е. универсальность. Потому другое важное изменение в понимании роли и трансформации социальных наук в модерности связано с проблемой универсальности. Категория модерности позволила социальным наукам сформировать новую форму универсального времени: сначала «стрелу времени», на которой ранжировались общества по их приближенности к идеалу того или

иною видения «рационально устроенного общества» (например, гегелевское формирование «правового государства», марксистская «пятичленка» или транзитологические «типологии»), затем все более и более усложняющееся «древо» жизни сообществ, которые не только «вырастали» одно из другого, но и разнообразно «переплетались» (Й. Терборн), оставаясь, тем не менее, сопоставимыми и сравнимыми в социологических моделях, в частности в подходе «многообразной модерности».

Так, для Йорана Терборна проблематика «множественных современностей», «многообразной модерности» — лишь часть более масштабного интеллектуального устремления по осмыслению процессов глобализации и формированию нового исторического самопонимания человечества, которые бы преодолевали как местечковость, так и империалистичность некоторых нынешних построений (как фундаментализмы разных мастей, так и европо-, американо- или любые другие центризмы). Терборн предлагает «рассматривать современность как культуру, эпоху, общество, социальную сферу, имеющую своеобразную временную ориентацию, т. е. концепцию времени, обращенную к будущему, но в этом мире, открытом, ищущему новизны, достижимому и являющемуся результатом нашей деятельности; концепцию, рассматривающую настоящее как возможную подготовку будущего, а прошлое как либо то, что необходимо отбросить, либо как фрагменты, из которых можно строить новое будущее. Современность в этом смысле не означает некоторого хронологического периода или набора институциональных форм. В принципе можно даже говорить о различных периодах современности, которые сменялись демодернизацией или ретрадиционализацией» (Therborn 2003: 294). В этом контексте исследователь обращается к рассмотрению различных «схем переплетения», где не одна какая-либо традиция вырабатывает свой какой-либо ответ на «состояние современности», но уже многослойные и внутренне сложные традиции встречаются с новыми условиями и сплетаются как с ними, так и между собой, обучаясь, заимствуя, отторгая и враждуя. Изучая варианты столкновения с современностью (взрачивание, насаждение, импортирование), разные пространства осуществления модернизации (модернизация чего и вопреки кому: склеротичная традиция, которую надо преодолеть революцией; варвары, которых надо цивилизовать; свой отсталый народ, который необходимо мобилизовать), институты и инкультурацию, процессы и их последствия, в целом 8 вариантов переплетений, исследователь, в соответствии с предложенной Терборном моделью, может производить интрепретативные кросскультурные сравнительные исследования, избегая тупика «несопоставимости и несоизмеримости» культур, в который заводит цивилизационный подход.

Критика, которую сторонники подхода многообразной модерности обращали против приверженцев теории модернизации, заключалась, в частности, в том, что за эталон принимались конкретные страны, которые, возносились на вершину нормативной шкалы. Деконструкция подобных «научных» иерархий стран ради исследования социально-исторических процессов их взаимодействия при вступлении в современность, которая теперь осознается именно как взаимодействие, где все выступают субъектами, а не объектами, — важный цен-

ностный императив новых исследовательских подходов. Концепция «переплетенных современностей» Терборна, на наш взгляд, сохраняет лучшее от двух подходов к теории модерности в рамках нынешних социальных наук (возможность кросскультурных сопоставлений в теории модернизации и многомерность оптики рассмотрения различных культур в теории многообразной модерности) и предоставляет лучшие концептуально-методологические ресурсы для эмпирически адекватной и сенситивной к ценностному измерению теории модерности.

Таким образом, открытость будущего, лежащая в основе исторического опыта модерности, побудила к выработке в социологии концептуальных возможностей осмысления и признания этой открытости в историко-социологических обобщениях и моделях (типологиях, классификациях, шкалах). Открытость будущего требует открытых моделей и нового способа строить обобщения.

С другой стороны, процессы глобализации последних десятилетий поставили под вопрос «партикулярную универсальность» существующих национальных социальных наук. Временная универсальность должна быть дополнена новыми формами концептуализации универсальности пространства. Один из вариантов предложен У. Беком в его работах о «методологическом космополитизме», который должен придти на смену «методологическому национализму», мыслящему «общество» лишь по модели «национального государства». Более того, У. Бек настаивает на отличии своего «космополитического подхода» (теперь «укорененного космополитизма») от универсализма, ибо последний строит единство поверх различий, пренебрегая ими как частностями, тогда как первый «предполагает, что не существует единого языка космополитизма, но лишь множество языков, наречий и грамматик» (Beck, Sznaider 2010: 394). Это должно, по мнению У. Бека, привести к переосмыслению ныне провинциального, т. е. европоцентричного или западоцентричного, понимания модерности, выработке нового категориального аппарата (новая предметность и новые единицы анализа), существенной переработке базовых установок об обществе (учет плюрализма обществ) и факторов их фундаментальных трансформаций (агентность индивидов).

Не менее важным оказывается и нормативный элемент, ведь если социальные науки ищут новую форму универсальности и рациональности, новые способы схватывания и описания возникающих «форм общности», то понимание единства не только как материальной взаимозависимости в производственных и обменных цепях, объемлющих человечество в его противостоянии силам природы, но и как общности человечности, скрепляющей ценностными и нравственными узами множество образов жизни и возмещающей ныне целиком осознанную смертность самого вида человек и хрупкость его планеты-дома, становится неотъемлемой частью глобального подхода и космополитической перспективы социальных наук. У. Бек предлагает понятие «рефлексивные табу», представляющие собой механизм нравственной регуляции в модерности, т. е. обществе, в котором апелляция к непреложному авторитету традиции утратила значение. «Рефлексивные табу» имеют в своей основе историческую память о событиях — нарушениях табу, свидетельствующих о бесчеловечности,

о выходе за пределы «обычного зла», и превративших эту память в императив «никогда больше». Такие свидетельства бесчеловечности У. Бек отличает от страданий, которым мы все подвержены, но которые не ставят в опасность саму человеческую природу и цельность человеческого существа. В качестве примеров таких травматических событий, вызвавших реакцию «никогда больше», У. Бек приводит холокост, организаторы которого отняли статус человека у своих жертв и при этом продолжали считать самих себя людьми нравственными и честно выполняющими пусть тяжелый, но необходимый труд по искоренению «недочеловеков»; создание и ограничение ядерного оружия, которое, ставя само существование человечества под угрозу, вынудило принять меры по контролю и сдерживанию его возможного применения; открытие генома, которое сделало возможным мыслить человека как «генетический набор» и «биологический материал», поддающийся манипуляциям, где грань между лечебным и евгеническим вмешательством чрезвычайно зыбка. Триумф модернизации поставил человека — и фактически как человечество, и нравственно как человечность — перед лицом своей возможной гибели, причем от своих же человеческих творений, сформировав тем самым новые рамки непредсказуемости, которые могли быть удручающе трагическими в первой модерности, но стали апокалипсическими во второй. Это задает новый горизонт всему социологическому предпринятию: «Как социология вообще может описать и осмыслить новые явления, если ее социальные теории и описательные понятия привязаны к неизменности постоянного изменения? Одной из главных проблем при появлении социологии в прошлом было создать социологические теории, ориентированные на стабильность и рост упорядоченности. Однако социология была не только элементом создания порядка, но и элементом критики порядка. Очевидно, что социологическое мышление сегодня более чувствительно к тому, что мы переживаем и должны понять: глобальный перелом общественного преобразования модерности» (Beck, Sznaider 2011: 431). Временная и пространственная ткань человеческого общежития трансформируется, когда институты модерности обернулись против ее целей, по мнению У. Бека, модерность открывается в после-модерность (After-modernity, отличаемую У. Бекот от постмодерности), в которой не только устоявшиеся способы социологического осмысления, но сами ресурсы для работы в новом — «после-модерном» — горизонте могут оказаться недостаточными, если не произвести восстановление основных принципов модерности посредством «рефлексивных табу».

Таким образом, социальные науки, входя во «вторую модерность», стоят на пороге изменений, сопоставимых с самим их возникновением в «первую модерность», их исследовательский инструментарий, основные допущения и представление о собственной миссии проходят ревизию, социальные же теории находятся в поисках новых возможностей «делать социальную науку».

Именно потому переосмысливается и миссия социальных наук: от исследования, которое неизбежно включает стабилизацию восприятия общества, эссенциализацию видения конкретного общества, а тем самым и легитимацию существующего социального порядка, к признанию задачи по «открытию новых возможностей быть человеком» и отысканию новых форм организации

коллективной жизни (Дж. Александер, К. Хаструп). Рациональность социальных наук в модерности может быть только открытой, т. е. критической и инновационной («воображающей» новое).

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс, 2001.

Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 2001.

Капустин Б.Г. «Современность» // Новая философская энциклопедия. ИФ РАН. [<http://iph.ras.ru/elib/2783.html>].

Alexander J.C. Modern, Anti, Post, and Neo // The Meaning of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford: Oxford UP, 2003. Pp. 193–228.

Beck U., Sznaider N. Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: A Research Agenda // The British Journal of Sociology. Special Issue: The BJS: Shaping Sociology over 60 Years. 2010. No 61. Issue Supplement. Pp. 381–403.

Beck U., Sznaider N. Self-limitation of Modernity? The Theory of Reflexive Taboos? // Theory and Society. 2011. No 40. Pp. 417–436.

Beck, U., Grande E. Varieties of Second Modernity: The Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research // The British Journal of Sociology. 2010. No 61: 3. Pp. 409–443.

Hastrup K.A. Passage to Anthropology. Between Experience and Theory. London, New York: Routledge, 1995.

Koselleck R. The Eighteenth Century and the Beginning of Modernity // The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford UP, 2002. Pp. 154–169.

Therborn G. Entangled Modernities // European Journal of Social Theory. 2003. No 6 (3). Pp. 293–305.

Wagner P. Social Theory and Political Philosophy // Delanty G. (ed.) Contemporary European Social Theory. London, New York: Routledge, 2006. Pp. 25–36.